

ОТЗЫВ

на докторскую диссертацию Светланы Юрьевны Корниенко

**«Самоопределение в культуре модерна:
Максимилиан Волошин - Марина Цветаева»**

Специальность 10.01.01 –Русская литература

В настоящее время в российском литературоведении ведется планомерная и интенсивная работа по созданию объективной научной картины развития русской литературы XX в. Значительный период времени, вследствие как объективных, так и субъективных (вненаучных) причин исследование литературного процесса прошедшего века членилось на ряд областей, изучаемых либо автономно, либо в формате подчас априорно заданных парадигм. Литература Серебряного века и советская литература, литература русской эмиграции и, опять-таки, советская литература – кроме этих лидирующих оппозиций, можно добавлять еще целый ряд более дробных членений. Современное литературоведение на основе исследований, предпринимаемых и отдельными учеными, и научными коллективами, постепенно полномасштабно восстанавливает представление о литературном процессе развития русской литературы XX в., как процессе, имеющем различные периоды, разнообразные, иногда диаметрально противоположные составляющие, однако процессе, внутренне диалектически едином. Эта научная проблема, магистральная для современного этапа изучения литературы XX в., может двигаться к своему решению только на основе конкретных исследований, «восстанавливающих» зачастую искусственно разорванные звенья целостного литературного процесса. В этом плане выбор Светланой Юрьевной Корниенко двух основных писателей, которым посвящено ее исследование, - Марины Цветаевой и Максимилиана Волошина, - является актуальным и научно оправданным, так как именно в их творчестве отразился ряд существенных составляющих исторического момента завершения литературы Серебряного века и дальнейшего развития литературы в период разделения Российской империи на СССР и «Россию за рубежом». Трагические перипетии судеб обоих писателей делают их творчество одним из наиболее существенных объектов исследования сложной конфигурации литературного

процесса 1910-х-1930-х гг. Научно оправдан и аспект изучения наследия обоих писателей: описание моделей цветаевского и волошинского самоопределения на фоне эстетических тенденций времени и художественных практик их современников и предшественников. Закономерен и обоснован выбор основного материала диссертации – эссе М. Цветаевой «Живое о живом» и «Журнала путешествия» М. Волошина, дополненных многочисленными, развивающими проблематику работы текстами обоих поэтов и других писателей. Диссертационная работа С.Ю. Корниенко представляет собой значительный научный шаг вперед, так как в ней впервые на примере поэтического диалога М. Цветаевой и М. Волошина целостно проанализирована проблема самоопределения и соединенный с ней вопрос о метадискурсивности, а также установлен целый ряд параметров, существенных для дальнейшего исследования модернистской мемуаристики.

Диссертация С.Ю. Корниенко – это научное исследование, методологически основанное на сочетании классических и новейших методов литературоведческого анализа – историко-литературного, структурно-семиотического, дискурсивного, феноменологического и др. Подобный синтез методов оправдан, так как он позволяет полноценно раскрыть заявленную тему исследования. Диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключения, Списка использованной литературы и 6-ти Приложений. Рукопись диссертации составляет 467 страниц.

В развернутом Введении С.Ю. Корниенко убедительно формулирует предмет своего исследования. Научно аргументирует его цели, задачи, актуальность, методологию, обозначает основные источники изучения. Представляется научно оправданным включение в состав Введения краткого текстологического обоснования выбора основного текста «Живое о живом», и надо особо отметить установленную автором диссертации более точную датировку произведения, а именно: смену датировки «с 1932 года, как это обозначено в Собрании сочинений <...> на 1932-1933 годы» (С. 7).

Первая глава диссертации «Круг чтения» и формирование авторской идентичности: Марина Цветаева и Максимилиан Волошин» состоит из 5-ти разделов. Глава посвящена анализу цветаевского представления о ее вхождении в литературу, которое было отражено в посвященном памяти Волошина эссе «Живое о живом», а также реконструкции влияния на творчество начинающей поэтессы литературной ситуации 1910-х гг. В разделе 1.1. «Байронический vs. пушкинский поэтический код в структуре авторского мифа М. Цветаевой» доказательно проанализированы основы формирования самоопределения поэтессы и ее самоидентификации, дистанцирование Цветаевой от наделенной «байроническими чертами» Черубины де Габриаки, а также обозначены истоки ее эстетического и человеческого неприятия В. Брюсова. В разделе 1.2. «Бэттинин сюжет в цветаевском самоопределении» рассмотрено развитие в сознании Цветаевой коммуникативной модели «юная ученица – старый поэт» (Бэттина фон Арним – Гете), модели, которая затем будет неоднократно отражаться в жизненных и творческих практиках Цветаевой. Разделы 1.3., 1.4. и 1.5 Первой главы посвящены истории роли «канонической фигуры» русского модернизма - Анри де Ренье в формировании поэтической самоидентификации М. Цветаевой. Автор диссертации детально рассмотрела этапы сакрализации образа мэтра европейского модернизма в процессе формирования эстетического канона русских акмеистов, и особо остановилась на дискуссиях о реализме и романтизме в литературной критике 1910-х гг. Так на С. 93-95 С.Ю. Корниенко убедительно показала восприятие Волошиным фигуры Анри де Ренье как одного из эстетических «праотцев» утверждаемого им нового стиля эпохи. В качестве замечания надо отметить, что к изложению дискуссии о «романтизме», «реализме» и «нео-реализме» 1910-х гг. диссертантке было бы целесообразно привлечь анализ значительно повлиявшей на критиков 1910-х гг. работы С.А. Венгерова «Основные черты истории новейшей русской литературы» (2-е изд.: СПб., 1909), в которой говорилось, в частности, о нео-романтизме нового искусства. Достоинством данных разделов диссертационной работы является логическая увязка постулатов литературных дискуссий об Анри де Ренье и

пушкинском каноне 1910-х гг. с процессом и обстоятельствами формирования эстетических догматов таких ведущих критиков русской эмиграции как Г. Адамович и Г. Иванов, считавших себя преемственными хранителями «пушкинского канона». В итоге С.Ю. Корниенко делает доказательный вывод о том, что (С. 105) «история с отвержением произведений Анри де Ренье <...> нужна уже зрелой М. Цветаевой <...> для легитимизации своих прав на пушкинское наследство».

Вторая глава диссертации «Ложные воспоминания в автометадискурсе М. Цветаевой («Живое о живом»)» состоит из двух разделов, в свою очередь, разделенных на подразделы. Это центральная, наиболее концептуально-значимая и новаторская глава диссертации. Она сочетает в себе достоинства историко-литературного и теоретического аспектов исследования текста М. Цветаевой «Живое о живом». Основной теоретической проблемой, затронутой в этой главе, является проблема изучения родовой принадлежности модернистских мемуаров, находящихся на грани между документальной и художественной литературами. Также в настоящей главе детально рассматриваются вопросы о соотношении исторических сведений, представленных в тексте Цветаевой, с объективными данными других источников. Это позволяет видеть в тексте этой главы диссертации значительную базу для дальнейшего издания произведения «Живое о живом» с развернутыми научными комментариями. Также представленные в данной главе материалы позволяют провести существенные коннотации между предреволюционным развитием русской литературы и ее функционированием в двух разных, но все-таки тесно связанных друг с другом видах: литературы Советской России и литературы «России за рубежом». В первом разделе Второй главы 2.1. «Брюсов пишет статью» наиболее значимым является подраздел 2.1.1. «Дискуссия о «русском стиле» в критике 1910-х- нач. 1920-х гг.». В нем диссертантка на примере критической рецепции «русского стиля» В. Брюсовым в 1910-е гг. поясняет причины его «умолчания» о ранних произведениях Цветаевой и основы дальнейшего продолжения «брюсовской» линии, проявившиеся в критическом отзыве О. Мандельштама о «богородичном

рукоделии Марины Цветаевой» (статья «Литературная Москва»). В диссертационном исследовании точно отмечено, что «в критике 1920-х годов на смену «французам» и «немцам» придут – на тех же эстетических позициях – «внутренние» же петербуржцы и москвичи». Причем фрустрация реальных петербуржцев начала XX века, переживших в небольшой временной промежуток потерю и имени города <...>, и столичного статуса, проецируется <...> на виртуальные пространства – «внутренние города» <...> и «другие столицы»» (С. 175). Подразделы 2.1.2., 2.1.3. и 2.1.4 посвящены анализу критической рецепции книги «Версты, Вып.1» советской и эмигрантской критикой, а также убедительному доказательству стремления Цветаевой утвердить права на свое подлинное имя в условиях сложной литературной ситуации начала 1930-х гг.

В Разделе 2.2. «Яблоновский пишет статью...» С.Ю. Корниенко подробно анализирует литературно-политическую ситуацию русского Парижа в период приезда в него М. Цветаевой. Отталкиваясь от комментария к тексту «Живое о живом», диссертантка фактически восстанавливает для истории литературы фигуру критика Серебряного века Александра Яблоновского. Фактически это включенное в диссертацию специальное кропотливое исследование одной из несправедливо забытых значимых фигур литературного процесса начала XX вв., критика, в эмиграции претерпевшего значительную политическую и эстетическую эволюцию. Результаты этого исследования могут быть применены на практике для написания персональной статьи о критике в еще не доведенном до буквы «Я» издании «Русские писатели. 1800-1917. Биографический словарь». В диссертации также представлен детальный анализ диспозиции литературных и политических сил русского Парижа периода Зарубежного съезда 1926 г. и определено положение внутри них М. Цветаевой. С.Ю. Корниенко сделает доказательный вывод о том, что «к 1933 году поэтическая судьба Цветаевой» сложилась «в соответствии с моделью поэта-одиночки» (С. 278). В качестве недостатка данной главы отмечу, что возможно, было бы целесообразно выделить в отдельный под-раздел историю публикации эссе «Живое о живом», а не помещать ее в конце под-раздела 2.2.2. «М. Цветаева и парижские

литературно-политические корпорации: первое столкновение», Это тем более необходимо потому, что автор диссертации высказывает ряд существенных дополнений к уже существующей традиции изучения истории издания текста в обширнейшем примечании № 645, заслуживающем быть поднятым из «подвала» в основной текст работы.

Глава Третья «Максимилиан Волошин: путешествие как обретение идентичности» состоит из трех разделов и посвящена раскрытию роли юношеских путешествий в становлении личности Волошина и в процессе самоопределения его как писателя и художника. В разделе 3.1. «Италия в самоопределении М. Волошина» С.Ю. Корниенко проводит сравнительный анализ путевых дневников Гете и Волошина и делает оригинальный вывод о культурной «вторичности» дневника Волошина, воспринимавшего Италию через призму уже странствовавших по ней писателей – Гете, Шелли и Гейне. В Разделе 3.2. «Рим М. Волошина: рождение поэта» детально рассмотрено складывание индивидуального варианта «мифа о Риме» в творческом сознании Волошина и коннотации этого мифа с популярными очерками П. Муратова. Наиболее значим в этой главе Раздел 3-ий «Неаполь и Коктебель в самоопределении М. Волошина». Анализируя образы-символы «Неаполя» и «Коктебеля» в поэтическом сознании молодого поэта, диссертантка приходит к доказательному выводу о том, что «для Волошина 1900 года поиск наиболее адекватной, соответствующей поэту среды существования – «первозданного мира» - был закончен в Неаполе» (С. 333), и в дальнейшем анализирует возникавшие у Волошина коннотации образов итальянского и крымского побережий. В качестве недостатка этой главы укажу, что также было бы целесообразно выделить в отдельный параграф отражение волошинского Коктебеля в жизни и творчестве М. Цветаевой (см. С. 341-344).

Четвертая глава диссертации «Ролевая идентичность и самоопределение человека модерна» посвящена раскрытию использования образа «другого», персонифицированной «маски», фактически скрывающей лики самой поэтессы. В разделе 4.1. «Казанова в самоопределении М. Цветаевой» доказательно раскрыта

функция многократного использования М. Цветаевой текста Мемуаров Казановы и образа их автора. С.Ю. Корниенко детально рассматривает сознательные отступления Цветаевой от точных поворотов сюжета мемуаров знаменитого итальянца. В разделах 4.2. и 4.3. диссертантка анализирует динамику развития «татьянинского сюжета» в поэтической мифологии Цветаевой, источники варианта ее мифа о Пушкине. Примечательно выявленное С.Ю. Корниенко построение «пушкинского» (моцартианского) мифа Цветаевой на основе отталкивания от сальерианского в своей основе «мифа о Брюсове», а также коннотации этих мифов с излюбленным в культуре модерна мифом об «аполлоническом» и «дионисийском» началах. Логичным завершением Четвертой главы является раздел 4.3. «Пруст и Пушкин: аспекты авторского самоопределения», доказательно представляющий развитие «пушкинского мифа» в контексте жизни эмиграции рубежа 20-х-30-х гг, а точнее, времени заседаний «Франко-русской студии». Проанализировав выступления М. Цветаевой, С.Ю. Корниенко приходит к убедительному выводу о том, что «утверждение в цветаевских текстах Пушкина и Пруста в качестве канонических авторов сопровождается вписыванием обоих в собственный *текст* <...> Интенциональное чтение-сведение Пруста и Пушкина в цветаевском поэтическом метасюжете позволяет ей самоутвердиться в качестве «сильного автора», использующего предшествующий текст в формировании собственного канона» (С. 380).

В Заключении диссертационного исследования сделаны важные выводы о методике выстраивания Цветаевой персонального мифа; о пограничности эстетической природы ее мемуарного очерка между документальной и художественной литературами, а также о типологическом сходстве способов самоопределения двух писателей-модернистов. К диссертационной работе добавлено 6 приложений, содержащих фактически нововводимые в литературный оборот тексты А. Ремизова, А. Яблоновского, отклики писателей-эмигрантов на смерть М. Волошина и др. редкие материалы.

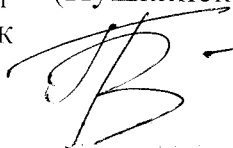
Диссертационная работа оформлена по всем правилам ВАК и сопровождается внушительным списком использованной литературы, состоящим

из 419 номеров. В автореферате четко и логично изложено основное содержание диссертации.

В итоге можно сделать вывод о том, что диссертация С.Ю. Корниенко по содержанию, широте охваченного материала, глубине выводов полностью соответствует заявленной теме. Высказанные замечания и пожелания ни в коей мере не затрагивают общей научной ценности проделанной работы. В целом С.Ю. Корниенко блестяще справилась с поставленной научной задачей.

Диссертация С.Ю. Корниенко «Самоопределение в культуре модерна: Максимилиан Волошин – Марина Цветаева» соответствует специальности 10.01.01 – Русская литература и отвечает требованиям п. 9 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства РФ № 842 от 24 сентября 2013 года. Светлана Юрьевна Корниенко заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01. – Русская литература.

Заведующая Отделом новейшей русской литературы
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
Доктор филологических наук
18.01.2016

А. М. Грачева

Грачева Алла Михайловна
Санкт-Петербург, ул. Васенко, 5/15 -69
Тел. (812)328-19-01
irliran@mail.ru